

Бекман Альфред Андреевич (31.12.1886 - 1991) - морской офицер, участник Гражданской войны (на стороне красных), узник Солоетского лагеря, ветеран Беломорско-Онежского пароходства (Петрозаводск), капитан третьего ранга (майор). После окончания гимназии в 1914 поступил в Отдельные гардемаринские классы Морского ведомства в Петрограде. В апреле 1917 начал службу мичманом (младшим минным офицером) на линкоре «Цесаревич», переименованном вскоре в «Гражданин». Участвовал в морском сражении с немецким флотом при Моонзунде (октябрь 17-го года). Немецкая эскадра хотела прорваться в Рижский залив, а оттуда к Петрограду. Бой длился около трех часов. Страшная дуэль с линкорами «Кениг» и «Кронпринц». Нанесли чувствительные удары врагу, но русский линкор «Слава» был подбит. Его добились своими торпедами, он сел на дно, закрыв для врага фарватер Моонзунда. Рядом для надежности затопили еще два транспорта. Прохода к Петрограду больше не было! Это известие обрадует Ленина. 16 октября расширенное заседание ЦК РСДРП(б) подтвердило его резолюцию о вооруженном восстании, так что отсутствие немецких «Кенигов» возле Петрограда очень кстати. Первый бой новой России на море был выигран. После сражения за острова Моондзундского архипелага немецкий флот утратил свои наступательные возможности, и германское командование отказалось от продолжения операции «Альбион». **Бекман** назначается флаг-офицером 1-й бригады линейных кораблей. Бок о бок работает с бывшим комендором, а теперь председателем Центробалта Павлом Дыбенко, поэтессой, а теперь комиссаром морского Генерального штаба Ларисой Рейснер. В мае 1918 года **Бекман** назначается штурманом на транспорт «Рига», переоборудованный под госпитальное судно. Стояла ответственная задача - эвакуировать из Хельсинки оставшихся там русских солдат, матросов. В 18-м году по рекомендации Ларисы Рейснер и начальника Морского генерального штаба Беренса **Бекман** зачислен переводчиком при морской комиссии на мирных переговорах в Бресте. Откомандирован в Морской генеральный штаб - флаг-секретарь первого «красного адмирала», начальника Морских сил Республики А.В.Немитца. Был в самых горячих местах гражданской войны. Борьба с Врангелем на Азовском море, участие в легендарной ледовой переправе через Керченский пролив, когда около ста тысяч красноармейцев были выведены с кавалерией и пушками из Керчи в Тамань, ликвидация Кронштадского мятежа. Пожилого адмирала Немитца сменил молодой энергичный Эдуард Панцержанский, герой Видлицы, командующий Онежской флотилией, человек одаренный, яркий. - Два года был при нем младшим флагманом. С другом детства и сослуживцем, адмиралом и ученым Иваном Исаковым встречались часто, то он приезжал в штаб, то мы были у него на Черном море. Иван Степанович настойчиво звал на свой эсминец. Старший помощник Исакова на эсминце Петровский. А. **Бекман**, повоевав на Балтике, Черном и Азовском морях, в 1920 г. становится секретарем командующего морскими силами Советской России. Профессиональная карьера его складывалась удачно, однако, ложно обвиненный в 1926 г., он попадает по политической статье на Соловки и навсегда оседает в Карелии. К слову, там он познакомился и с Максимом Горьким, приехавшим по заданию Сталина воспеть "перевоспитание трудом". Эпизод этот попал даже в мемуарную литературу. В 1933 г. **Бекмана** освобождают, и в качестве вольнонаемного он остается работать на Белбалткомбинате ОГПУ (будущее Беломорско-Онежское пароходство). Организовал навигационную камеру при Беломоро-Онежском пароходстве. Во время 2-ой мировой войны **Бекман** был в Архангельске -

корректировал карты для арктического плавания, занимался отладкой приборной оптики. Знали его как влюбленного в свое дело специалиста и как толкового преподавателя на курсах повышения квалификации. Еще больше возрос авторитет **Бекмана** с выходом в 1947 его книги «Руководство по обращению со штурманскими приборами и уходу за ними», которую издало Министерство речного флота. Одна за другой появляются книги Бекмана: «Пособие для судоводителя озерного плавания», «Руководство по эксплуатации штурманских приборов», «Руководство для плавания в Онежском озере» и другие. Издательство «Транспорт» выпустило его солидную книгу о штурманских приборах. Последние годы он работает над конструированием прибора, который помогал бы штурманам водить в ночное время корабли по рекам. Сын: Андрей (1938).

Фамилия **Бекманов** хорошо известна в Беломорско-Онежском пароходстве. Отец, Альфред Андреевич, отработал здесь 28 лет, у сына его, Андрея Альфредовича, первая запись в трудовой книжке - ученик слесаря Петрозаводского РЭБ флота БОПа. Обоих уже нет в живых. Отец умер в 1991 году, а через семь лет ушел из жизни и сын. Так случилось, что журналистская судьба свела меня сначала с Альфредом Андреевичем, а потом, после его смерти, мы подружились с Андреем Альфредовичем. Сейчас, вспоминая, в общем-то, случайное, но поистине счастливое знакомство с ними обоими, поражаешься, насколько талантливые и энергичные это были люди.

О **Бекмане-старшем** я узнал в 1987. Услышав от знакомых о том, что в Петрозаводске живет участник легендарного Моонзундского сражения (произошло оно весной 1917), я, разумеется, не мог не встретиться с ним. Поговорили раз-другой. Альфред Андреевич оказался поразительно интересным собеседником, вытаскивающим из своей памяти - а шел ему тогда, напомним, уже девяносто первый год - любопытнейшие факты весны 1917. Потом, когда вроде и нужда отпала, материал был опубликован, я попросту не смог не заходить к Альфреду Андреевичу. Обычно долго беседовали с ним и его гостеприимной женой Ниной Александровной за чашкой чая. Разговор петлял по эпизодам их жизни, всякий раз поражая драматичностью событий и теми встречами, которыми обильно наделила судьба Альфреда Андреевича. Лучший друг его юности Иван Степанович Исаков, в кругу приятелей звавшийся Жано, стал Адмиралом флота СССР. Сам **А. Бекман**, повоевав на Балтике, Черном и Азовском морях, в 1920 становится секретарем командующего морскими силами Советской России. Профессиональная карьера его складывалась удачно, однако, ложно обвиненный в 1926 г., он попадает по политической статье на Соловки и навсегда оседает в Карелии. К слову, там он познакомился и с Максимом Горьким, приехавшим по заданию Сталина воспеть «перевоспитание трудом». Эпизод этот попал даже в мемуарную литературу. В 1933 г. **Бекмана** освобождают, и в качестве вольнонаемного он остается работать на Белбалткомбинате ОГПУ (будущее Беломорско-Онежское пароходство). Здесь и трудился до пенсии, то есть до 1961 г., занимая самые разные должности. После Соловецкого лагеря Альфред Андреевич вместе с женой поселяется вначале в Медвежьегорске, где у них в 1938 г. рождается сын Андрей, а позже семья переезжает в Петрозаводск. Андрей, окончив школу, попробовал себя в самых разных специальностях, остановившись наконец на авиации (он окончил Киевский институт авиации). Однако сказывались, видимо, гены: наиболее полно реализовал себя Андрей Альфредович все-таки в морской сфере. Работая с 1969 г. в Латвийском морском пароходстве, он занимался проектированием и строительством гоночных судов (11 республиканских побед за плечами конструктора). В 1986 г. Андрей Альфредович вернулся в Карелию, где и работал до дня смерти (умер в марте прошлого года). Причем в последние годы своей жизни он кардинально изменил профессию. Андрей Альфредович самозабвенно погрузился в мир компьютерной техники. По его инициативе в Петрозаводске создается коммерческий Интернет-сервер, он ставит на ноги службу Интернет в АО «Электросвязь». Не преувеличивая, скажу, он был наиболее горячим агитатором международной компьютерной сети. Когда мы встречались

с ним, он почти с детским восторгом рассказывал об очередных своих успехах, собственно и став моим первым сопровождающим в этот до сих пор загадочный для меня мир.

В его тесной однокомнатной квартирке компьютер был таким же божеством, как и предметы, связанные с его отцом. Всякий мой минутный приход к нему растягивался обычно на часы, когда мы успевали поговорить о политике, о смысле жизни, попутешествовать по интернетовскому информационному океану. И, расставаясь, уже в дверях что-то еще долго обсуждали, договариваясь о завтрашнем телефонном звонке. Однажды мне никто не ответил. А потом я узнал, что Андрей Альфредович умер.

Сейчас понимаю, что мне повезло на знакомство с этими добрыми и умными людьми. Сильные и благородные. Приветливые и деликатные. Оба они, и отец, и сын, были первооткрывателями. Когда знаешь, что такие люди жили и ушли, хочется, чтобы память о них сохранилась. И я был счастлив, узнав о том, что коллеги Андрея Альфредовича реализовали его давнишнюю мечту и создали сервер, посвященный старшему **Бекману**, справедливо разместив на тех же страницах и биографический очерк о сыне. Труд проделан колоссальный. Андрей Хенинен, администратор сервера «Онего», осуществил настоящее историческое расследование. Он расшифровал архитрудный почерк Альфреда Андреевича, вкратце записавшего свои воспоминания с 1916 по 1926, систематизировал фотоархив Бекманов, собрал все доступные газетные и журнальные публикации о сыне и отце, разыскал историческую информацию о кораблях, на которых служил Альфред Андреевич. Так появился компьютерный вариант книги о **Бекманах**. В разговоре со мной Андрей Хенинен сказал, что поиск материалов продолжается и он будет рад, если откликнутся люди, знавшие Альфреда Андреевича либо его сына. Все новые сведения будут размещены на сервере <http://bekman.onego.ru> (адрес в сети Интернет). 6 апреля, в день рождения Андрея Альфредовича, этот сайт стал общедоступным. Читайте его.

АЛЬФРЕД АНДРЕЕВИЧ БЕКМАН

(1896 - 1991) - офицер флота.

Род Бекманов ведет свой счет от шведа Романа Бекмана, который при Иване Грозном нанялся в посольский приказ в качестве переводчика на английский язык, затем дошел до звания посланника. При Борисе Годунове он был направлен в Голландию и ганзейские города, для вербовки на работу в Россию ученых мужей, рудознатцев, врачей. С тех пор род **Бекманов** навсегда обосновался в России, служа верой и правдой новому отечеству.

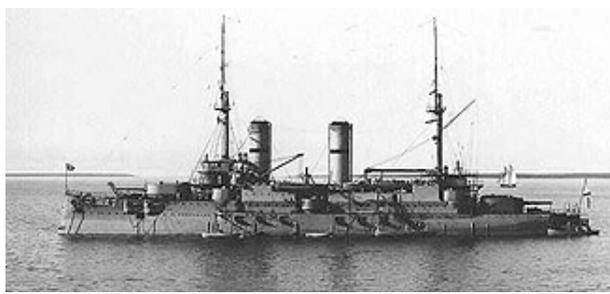
Потомок Романа **Бекмана** Альфред родился в 1896 году, в Одессе. Его отец Андрей Андреевич **Бекман** плавал на судах Добровольного флота в качестве механика. Его мать (урожденная Шведе) Ида Романовна, происходила из семьи художника Романа Шведе, известного тем, что в Пятигорске за одну ночь он написал портрет убитого на дуэле Лермонтова. Два брата матери были морские инженеры-механики. В 1901 году отец Альфреда перевелся в Царское Село, заведовать водоснабжением города. Там же его дядя Л.Шведе заведовал дворцовой и городской электростанциями. В 1902 году скоропостижно скончался отец Альфреда и семья переехала в Петербург, но в 1910 году снова возвратилась в Царское Село. Здесь в 1911 году Альфред перешел в Царскосельскую Николаевскую гимназию, которую окончил в мае 1914 года.

Из воспоминаний А.А.Бекмана: "Как-то в 1913 году в гимназии произошел конфликт между преподавателем истории и нашим классом. В знак протеста мы устроили шествие, которое возглавил я, неся укрепленный на указке в виде флага широкий красный пояс от гимнастического костюма. Я был тут же вызван к классному наставнику, который в течение часа читал мне нотацию на всем серьезе, однако директору гимназии об этом происшествии не донес. Выводы его длинной речи сводились к тому, что такие "выходки" никакого смысла не имеют.

<...> В июле грянула война: Пошла мобилизация. Нужно было решать, что делать: я призыву, как единственный сын, не подлежал...

<...> тут в газете появилось объявление, что открывается прием в отдельные гардемаринские классы. Мечты о плаваниях в морях и океанах мира кружили голову. Я подал заявление и, благополучно пройдя конкурс и медосмотр, был принят."

С этого момента жизнь Альфреда Андреевича навсегда была связана с кораблями, морем и флотом. За годы учебы в гардемаринских классах с 1914 по 1917 год он совершил учебные плавания на Камчатку, в Корею и Японию, на учебном судне Орел, плавал также на миноносцах и канонерских лодках. Здесь он сдружился с Иваном Степановичем Исаковым, ставшем впоследствии одним из ведущих советских флотоводцев, адмиралом флота. В марте 1917 года, уже после февральской революции, состоялся выпускной вечер гардемарин: "в парадном зале Адмиралтейства начальник генштаба флота вице-адмирал Кедров вручает нам аттестаты. Прибывший по этому случаю Милуков произносит речь, объявляя нас "Первым выпуском мичманов свободной России". Получили краткие отпуска и разъехались по домам... "

Мичман Альфред Бекман. Апрель 1917 года. Место службы А. Бекмана. Линейный корабль Цесаревич (Гражданин). Участвовал в русско-японской войне и Моонзундской операции 1917 года.

После краткой поездки к родным в Царское Село молодой мичман получает направление на передовые позиции флота - в Рижский залив на линейный корабль Цесаревич. 20 апреля 1917 года он был зачислен в списки корабля, а на следующий день назначен вахтенным офицером. Вскоре после прибытия на корабль **А.Бекман** получает задание судового комитета срубить старое название Цесаревич и сделать чертеж и отливку букв для нового названия Гражданин.

В октябре 1917 года немцы собирались прорваться в Финский залив, для взятия Петрограда с тем, чтобы «задушить революцию в колыбели». Гражданину пришлось выдержать бой с линкорами König и Kronprinz и другими судами немецкой эскадры. В этих боях с превосходящими силами германского флота по обороне островов Моонзундского архипелага был потерян напарник Гражданина линкор Слава. Линкор Гражданин также получил повреждения, но остался на плаву. Немцы потеряли много судов и были принуждены отказаться от попыток прорваться к Петрограду.

После октябрьской революции **А.Бекман** был направлен в Кронштадт на учебу. Весной 1918 года он был назначен флаг-офицером на 1-ю бригаду линкоров, стоявшую в Кронштадте, затем флаг-офицером в штаб флота. По рекомендации комиссара генштаба Ларисы Рейснер был включен в морскую комиссию по заключению Брестского мира в качестве секретаря и переводчика. Наверное пригодились знания языков, полученные в царскосельской гимназии. Карьера Альфреда Андреевича складывалась успешно, он честно служил советской России. В июле 1919 года был назначен помощником (заместителем) заведующего делами Высшей военно-морской инспекции, в октябре был переведен на службу в Морской Генеральный штаб, затем становится флаг-секретарем первого «красного адмирала» начальника Морских сил советской республики

А.В.Немитца. В составе его походного штаба принимал участие в военных действиях на Азовском море против сил Врангеля. В 1922 - 1924 годах был младшим флагманом при преемнике Немитца Э.С.Панцержанском. Затем по собственной просьбе он переводится на Черноморский флот, чтобы после 6-ти лет штабной работы вновь служить на действующем флоте. В 1925 году Альфред Андреевич попадает старшим помощником на эсминец Петровский, где командиром служил его товарищ по гардемаринским классам И.С.Исаков. В конце 1925 года он был назначен флагманским штурманом дивизиона подводных лодок.

Но, в мае 1926 года карьере успешного офицера приходит конец, **А.Бекман** был арестован ОГПУ. Это был его третий арест. Первый тревожный звонок прозвучал еще в 1918 году, когда Альфред Андреевич был арестован, по возвращении в Петроград после переговоров с немцами. В числе других 60-ти заключенных его поместили в обычную квартиру из 3 или 4 комнат, а ночью: "Ночью увели находившихся в других комнатах арестованных матросов - участников избиения комиссара Флеровского. Их было около 40 человек. Наутро привели обратно одного ошибочно взятого. Это оказался матрос с Сибирского стрелка, которого я знал по плаванию на Орле в 1916 году (он ухаживал за корабельными животными - медведем и обезьянами). Я помнил его курчавым и красивым блондином. Теперь это был поседевший за ночь сломленный человек. Он рассказал мне, что всех арестованных привели в Петропавловскую крепость и там несколько раз пересчитывали. Оказалось, что он лишний и его в списках нет. И это его спасло."

На этот раз Альфреду повезло, его выпустили на следующий день.

В другой раз, в начале 20-х годов он был арестован и отправлен в арестанском вагоне в Харьков, где провел, питаясь баландой и хлебом 4 месяца. Арест был связан с проводившейся большевиками "фильтрацией", и вновь его выпустили на свободу, и вновь он верой и правдой служил Советской республике, пока не наступил май 1926 года, когда на Балтике и Черном море было арестовано около 20 командиров и начальников соединений, которым следственная комиссия ОГПУ присудила от 3 до 10 лет лагерей особого назначения. "Я получил 10 лет по статье 58, пунктам 4 и 10. 4-ый пункт означал: "Помощь международной буржуазии" и 10-ый - агитацию против Советской власти. "Помощь международной буржуазии" состояла видимо в том, что я не раз получал от штаба предписания встречать и сопровождать приезжавших к нам иностранных представителей, после чего подробно отчитывался обо всем...

<...> Что касается п.10 обвинения "Агитация против Советской власти", то вообще при допросах такие обвинения и не упоминались." - писал в своих воспоминаниях А.А.Бекман. Из Севастополя его переводят в Москву на Лубянку, потом в Бутырскую тюрьму, оттуда в Карельский город Кемь, и, наконец на остров Соловки Белого моря, где Альфреду Андреевичу пришлось провести долгих 7 лет. (Соловецкий лагерь особого назначения - СЛОН - был организован в 1923 году и являлся первым подобным учреждением в советской России.) Альфреду Андреевичу повезло, одним из начальников УСЛАГА оказался знакомый ему мичман, которого он дважды выручал из беды. По его протекции А.Бекман вскоре получил должность смотрителя Соловецкого маяка, что было много лучше, чем участие в общих работах. Здесь на маяке летом 1929 года он встречался с пролетарским писателем Максимом Горьким, посетившим Соловецкий лагерь по заданию Сталина, чтобы воспеть "перевоспитание трудом". Альфред Андреевич вспоминал: "Тогда я заведовал маяком на Секирной горе, на Соловках. Долго объяснял Алексею Максимовичу особенности жизни и работы на маяке, условия безопасного плавания в тех местах, зависимость жизни моряков от бесперебойного маячного огня. Алексей Максимович слушал, задавал вопросы по делу и по жизни, внимательно выслушивал мои ответы. В конце нашей встречи он спросил: не нуждаюсь ли я в чем, нет ли у меня каких просьб, заявлений или жалоб? Свита большого писателя была немаленькой, и люди в кожанках, сопровождавшие Горького, очень внимательно слушали его вопросы и мои ответы. Не настолько я был наивен тогда, в конце двадцатых, чтобы высказать вопросы,

которые меня мучили, какие-то жалобы. "Нет, Алексей Максимович, я всем доволен. Жизнь идет так, как она и должна тут идти..." Горький уехал. Очень мне хотелось спросить: за что, собственно, я осужден спустя 10 лет после революции? За что вынужден поменять морскую службу в военном флоте на подневольное всматривание в Белое море? Свои вопросы я оставил при себе. Те, кто открыто пожаловался на судьбу, вскоре после отъезда Горького были расстреляны. Для острастки остальных, чтоб не жаловались..."

Далеко не все вернулись из передового Соловецкого лагеря, кто-то погиб от болезней и тяжелого труда, кто был просто расстрелян без суда и следствия. О царивших в лагере нравах красноречиво говорит эпизод, описанный Алфредом Андреевичем в своих воспоминаниях. Этот потрясший всех заключенных случай, произошел вскоре после смерти Дзержинского, когда начальник лагеря Эйхманс приказал группе заключенных перетаскивать волоком через лес лодки. "И вот когда эта группа заключенных была занята этим делом - они вдруг обнаружили, что их окружают выходящие из леса стрелки охраны во главе с Эйхмансом, раздались выстрелы, обезумевшие люди бросались в разные стороны, но никто не ушел. Потом Эйхманс заявил одному из вольнонаемных работников, что "теперь я отомстил за смерть своего учителя товарища Дзержинского!"

Бекман был досрочно освобожден из лагеря в 1933 году, возможно не без вмешательства своего старинного друга И.С.Исакова. Исаков звал на работу в Москву, обещал восстановить в звании, пристроить в штабе ВМФ, но Бекман благоразумно не поехал, залег в качестве вольнонаемного в БелБалтКомбинате НКВД (позднее это стало называться Беломоро-Онежским пароходством). А те, кого Исаков пристроил в Москве, были расстреляны в конце тридцатых...

С тех пор Альфред Андреевич уже не покидал Север, жил сначала в Медвежьегорске, где у него с супругой Ниной Александровной родился в 1938 году сын Андрей, потом в Петрозаводске. В течение 28 лет, до выхода на пенсию, работал, занимая различные должности, в Беломоро-Онежском пароходстве (бывшем Белбалткомбинате ОГПУ). В 1956 году за отсутствием состава преступления Бекман был полностью реабилитирован военным трибуналом Черноморского флота.

Во время войны А.А.Бекман был в Архангельске, где занимался корректировкой карт для арктического плавания и приборной оптики. В 1947 году вышла в свет его книга "Руководство по обращению со штурманскими приборами и уходу за ними". С тех пор издано несколько книг Альфреда Андреевича о штурманских приборах и судовождении. После выхода на пенсию в 1961 году он не сидел "сложая руки" - занимался конструированием прибора, который помогал бы штурманом водить в ночное время корабли по рекам.

Корреспондент Молодежной газеты Карелии встретившийся с Альфредом Андреевичем, когда ему уже шел 90-й год писал о нем: "Он поражал статным ростом, стилем и деликатностью речи, манерой поведения, живостью и ироничностью ума (в его-то годы!). Мне, входящему к нему в дом из суеты дня, казалось, что попадаю в некий затерянный мир, в котором честность, гостеприимство, мужество, доброжелательность вопреки всему остаются вечными ценностями.

Альфред Андреевич прибалывал, но крепился, поражая всегдашней подтянутостью и изысканностью манер. Особенно удивлял он меня обязательной отутюженностью одежды и свежим галстуком. Единожды оказавшись без него, он, смутившись, долго извинялся передо мной за свой внешний вид. У него без преувеличения можно было брать уроки изысканной словесности и приличествующего мужчине поведения. Выпускник Николаевской гимназии Альфред Андреевич Бекман прожил долгую, полную трагических событий жизнь, пронеся через годы лучшие качества офицера российского флота: честность и верность долгу, порядочность и интеллигентность. До своего 95-летия он не дожил всего 15 дней...

Бекман А.А.
МЕМУАРЫ (1916-1926)

Еще за 2 месяца до нашего производства в офицеры в ОГК приехал с линкора Цесаревич, зимовавшего в Рижском заливе, мичман Буман, который вызвал меня и передал от имени кают-компании корабля приглашение служить на линкоре. В случае моего согласия об этом будет сообщено в штаб Балтфлота. Чувства мои были двойственны: с одной стороны льстило приглашение, но с другой – ведь Цесаревич - корабль построенный еще в 1904 и ему недолго осталось плавать. Но зато у него славное боевое прошлое, сейчас он защищает самые передовые позиции флота и участие в морских боях обеспечено! Я поблагодарил за приглашение и согласился.

И вот я в парадной офицерской морской форме (при сабле!) еду в Царское Село [1] домой показаться и проститься с сестрами.

В вагоне поезда при виде меня какая-то аристократического вида дама громко сообщила своей спутнице: "Ах, этих бедных юношей посылают на корабли, на которых матросы перебили всех офицеров..." Не удерживаюсь и говорю: "Сударыня, эти слухи весьма преувеличены. Я, например, направляюсь на корабль, где никого из офицеров не тронули". Лamentации дамы кончились, но на моей душе все-таки стало немного муторно. Через пару дней я уже ехал в Гельсингфорс [2]. В штабе флота я встретил опередившего меня Ивана Исакова [3], который уже получил назначение на достраивавшийся в Ревеле [4] (Копли) Изяслав и Бориса Гаврилова, который также с ближайшим рейсом Ермака отправлялся в Ревель.

Когда на Кречете я явился к флаг-капитану по распорядительно-строевой части старшему лейтенанту Эльсперу, он взглянул в какой-то список и сказал, что на меня есть заявка на Цесаревич, но что мне можно еще погулять два дня в Гельсингфорсе, так как не готова партия новобранцев, которую я должен буду принять в Ревеле и доставить в Рижский залив на Цесаревич. Проводив Исакова и Гаврилова, я еще пару дней знакомился с Гельсингфорсом. В назначенный день я отправился на Ермаке в Ревель. Командовал тогда Ермаком отставной капитан I ранга Фельман - отец нашего однокашника по ОГК, с которым я здесь встретился. Последний представил меня отцу, почему я мог подняться на капитанский мостик и наблюдать за мощной работой ледокола, разбивавшего с легкостью огромные льдины толщиной почти в метр. Когда я спустился в салон, в котором находилось несколько офицеров разных рангов от мичмана до старлейта, я стал свидетелем жаркого спора между возбужденно ходившим взад и вперед по салону старлейтом и его аудиторией, спора, который разоблачал глубочайшее невежество самого оратора да и некоторых участников спора в самых элементарных вопросах политики. Прошло несколько лет и однажды во время маневров я встретил оратора: он сменил вехи и командовал канонерской лодкой на Балтике. Осмотрев Ревельские достопримечательности (частично уже знакомые мне) и приняв человек 25 новобранцев во главе с унтер-офицером, мы отправились на вокзал.

Поезд Ревель - Гапсоль состоял из ветхих старых жестких вагонов. Разместив вверенное мне пополнение, я занял свободное место в открытом купе, где уже сидели два священника, обложенные всякими домашними припасами, которыми они закусывали, усердно подливая себе водку из четверти (!) стоявшей под столиком. Старший из них обратился ко мне с вопросом: "Куда вы направляетесь, молодой человек?" Я ответил что в Рижский залив. "Не на Цесаревич ли?" Оказалось, что вопрошающий - судовой священник с Цесаревича, а с ним его друг пастырь из Ориссар [5] на острове Эзель [6]. Они навестили своего друга в Ревеле и теперь, возвращаясь домой, поправлялись - пока мы ехали (часов пять) они осушили почти всю бутылку водки. Я участвовать категорически отказался. Фамилия его была Карчи/неразборчиво/ (из черного

духовенства). Это было мое первое знакомство с представителем личного состава корабля. На корабле его звали "Корнет Корчиноги", так как будучи в подпитии он задира ляду и отплясывал гопака. Революцию он рассматривал, как пришествие Антихриста. Свое пребывание на Цесаревиче - как жестокий искуc. Когда батюшка заходил в часы отдыха в салон, то "верующие" лейтенанты, найдя особо пикантное место в библии с деланной наивностью просили разъяснить им смысл. Мичманы этого делать не смели. К осени 1917 года батюшка ушел с корабля получив какой-то приход на берегу.

Направились к еще недостроенным причалам Рогокюля, где нас ожидал ледокольный буксир, который доставил нас на рейд Куйвасту у острова Моон [7] к стоявшему среди крошева битого льда на двух якорях Цесаревичу. Встретили нас вахтенный начальник и представитель судового комитета, на шканцах толпились любопытные из команды. Отрапортовав и представив им своих подопечных, я поздоровался с вахтенным начальником. Вахтенный начальник предупредил с несколько смущенной улыбкой, что согласно новому порядку, следует предьявить к осмотру чемодан. Член судового комитета быстро просмотрел нехитрое мичманское имущество и передал выданный мне еще на Кречете пистолет "кольт" в артиллерийскую часть на хранение.

Я конечно обрадовался, когда появились мичманы Сергей Абрамович и Буман - мой "крестник", который повел меня к старшему офицеру старлейту барону Вреде. Тот как-то смерил меня с ног до головы, подал руку, втянул с легким шипом через зубы воздух и поздоровался. Затем, обращаясь к мичману Буману, распорядился, чтобы мне показали мою каюту (по левому борту на батарейной палубе около средней шестидюймовой башни) и накормили. Когда я привел себя в порядок, Буман привел меня в кают-компанию, к которой примыкал адмиральский салон, также предоставленный офицерскому составу. Все офицеры находившиеся в салоне и в кают-компании подходили здороваться со мной, произнося различные приветствия. Я чувствовал себя обласканным и не очень робел, тем более, что два мичмана старшего выпуска ОГК (Абрамлович и Буман) как бы приняли шефство надо мной.

Гражданин продолжал стоять на якоре в рейде Куйвасту. Здесь нес свою службу зимовавший вместе с ним Адмирал Макаров. Тут же, с началом навигации в Рижском заливе, постоянно стояли эсминцы. Приходил и Изяслав, но встретиться с Жано [8] не удавалось. Ездили изредка в гости друг к другу, а также на берег, где на почтовой станции Куйвасту можно было заказать прекрасный обед с закуской из копченого угря, поросенка и т.п. Большая гостиная была в распоряжении любителей покера и виста. Кроме этого там приветливо встречала гостей дочь почтмейстера хорошенькая 19-летняя Эрика, которая распоряжалась верховыми лошадьми удравшего в Германию с острова Моон барона Вольфа, что давало возможность делать верховые прогулки по острову. Кроме этого Эрика знала место, где барон закопал восемь бочек с контрабандным спиртом... Управлявший именем Вольфа отец Эрики Артур тоже его знал и поэтому на стол всегда подавали запотевший графин со "шнапсом".

Ночная вахта, особенно в период белых ночей, требовала повышенной бдительности так как немецкие самолеты-разведчики довольно часто пролетали над островом Моон и рейдом, а часто и стаи уток, пролетавшие вдали, вызывали ложную тревогу сигнальщиков. Далеко на северо-западе иногда проплывал Цеппелин-разведчик. Изредка немцы делали налеты, сбрасывали бомбы, но ввиду интенсивного огня противоздушной артиллерии кораблей их бомбы взрывались главным образом в стороне. Впрочем однажды, когда в налете участвовало значительное число германских самолетов и кругом рвались бомбы, один из заряжающих обалдев застыл с унитарным патроном в руках, пока управлявший огнем старший артиллерист Гагарин не дал ему хорошего тумака. Инцидент не вызвал нареканий, не дебатировался, и даже был одобрен командой.

Еще в начале моей службы на корабле на моей вахте во время разводки вахтенного отделения один из молодых матросов стоя в строю начал лузгать семечки и плевать шелуху на палубу, заметив это, я сделал ему в достаточно резкой форме выговор, на что он заявил, что сейчас не старый режим. Я оборвал его и он перестал. Когда вахта была разведена ко мне подошел унтер-офицер отделения и извиняющимся тоном уверил меня, что такое больше не повторится – «Мы ему мозги вправим».

В моей роте (третьей) было два матроса-радиста, которые готовились к экзаменам в среднее учебное заведение. Как-то я, разговаривая с председателем судового комитета, сказал ему, что сейчас, очевидно, в продвижении офицерского состава будет определяющим лозунг «дорога – таланту». Поймав меня на слове, председатель рекомендовал мне помочь упомянутым радистам в овладении математикой и русским языком. Регулярные ежедневные занятия принесли обоюдную пользу, поскольку это дало мне возможность более полно понять мысли и устремления передовой матросской массы. Изредка приезжали агитаторы из Центробалта, в их выступлениях, конечно, сквозило определенное недоверие к офицерскому составу, но взаимоотношения с командой оставались ровными и служба шла в точном соответствии с уставом.

Может быть, боевое прошлое корабля, которое всем было известно, играло здесь свою роль, вызывая чувство долга перед своим народом, перед революцией. А история корабля была вдохновляющая: построенный в 1903 году Цесаревич был направлен в состав Порт-Артурской эскадры. При вероломном нападении японцев 9 января 1904 года Цесаревич был торпедирован, но после ремонта опять вернулся в строй и под флагом командующего эскадрой Витгефта [9] участвовал в бою с превосходящей по мощи японской эскадрой в Желтом море и, несмотря на тяжелые повреждения, все же прорвался в Киао-Чао [10]. При этом и командующий эскадрой и командир были убиты [11], значительными были потери в личном составе. Позднее он вошел в состав Балтийского флота и совершил не одно заграничное плавание. В 1908 году во время землетрясения в Мессине команда Цесаревича отличилась при спасении жителей из-под обломков разрушенных зданий. Об этом свидетельствовал большой бронзовый барельеф в адмиральском салоне с изображением сцен землетрясения и благодарственной надписью, подаренный экипажу Цесаревича. В кают-компании обсуждались последние события, мелькали фамилии Верденевский, Дыбенко, Развозов [12]. К осени 1917 года стало заметно известное расслоение в среде офицерского состава: после резкого инцидента с двумя механиками ушел старший офицер Вреде. Объявил себя сторонником анархистов-коммунистов мичман Щегловский, имевший прозвище "Ща", замкнулся в себе мичман Лаппо [13]. Однако большинство продолжало честно служить своему народу и после октябрьской революции преданно трудились, создавая военно-морской флот страны советов (это относится к Гагарину, Ганенфельду, Буману, Абрамовичу и другим). Из числа команды многие занимали впоследствии ответственные должности в аппарате морского ведомства и других органах советской власти. Так например, председатель судового комитета возглавлял управление по снабжению флота.

Может быть жизнь на корабле пошла бы иначе, но Гражданин стоял на передовой позиции. Налеты немцев, проходившие к Церелю эсминцы и уходившие на позиции подводные лодки - все напоминало о том, что враг не дремлет. Пришло на рейд Куйвасту штабное судно минной дивизии Либава. Число эсминцев на рейде росло. Пришли канлодки Храбрый и Грозный. Осенью появилась Слава, потом - не без труда выбравшиеся из Гельсингфорса Баян и Диана. Стало ясно, что надвигаются серьезные события.

Оживилась немецкая авиация. Один за другим последовало два серьезных налета, не причинивших, однако, ущерба ввиду очень плотного противоздушного огня со всех судов Куйвастского рейда, постоянных сообщений службы связи и разведочных постов. Мне поручена шифровальная работа, для чего предоставлена адмиральская каюта. Урывками засыпая, обнимал ящик с шифрами.

В конце августа из-под Риги вернулись эсминцы, которые привезли печальную весть о сдаче города. Стала реальной угрозой Рижскому заливу и его островам. Мы понимали, что защищать морские рубежи выпало нам и настроение у большинства было боевое. В начале сентября всех нас потрясла трагическая гибель эскадренного миноносца Охотник, взорвавшегося на mine недалеко от южного берега острова Эзель. На нем погиб брат нашего старшего офицера, которого мы все уважали и любили.

На рассвете 28 сентября 1917 г. мы приняли сообщение по радио, что крупные силы германского флота подошли к бухте Тагалахта в северо-западной части острова Эзель. Это был целый флот, насчитывавший до 300 судов. Отделившийся отряд из 15 эсминцев и крейсера подошел к южной оконечности острова Даго [14] и, подавив огонь батареи [15], высадил десант мотоциклистов. В бухте Тагалахта немцы высаживали мотоциклетные и кавалерийские части, которые с ходу двинулись двумя колоннами на Аренсбург [16] и Ориссар. На следующий день стало известно, что на Кассарском плесе идут бои между немецкими эсминцами и нашими Новиком, Изяславом, Заябьякой, Громом и канонерской лодкой Грозный [17]. Шум боя был слышен на рейде Куйвасту. Наверное, Жано на Изяславе [18] Наш корабль стоит в двухчасовой готовности. Как жаль, что мы не можем пойти на Кассары!

Славу направили для поддержки защитников Ориссарской дамбы. Создали ей крен до 5 градусов на правый борт и теперь ее артиллерия доставала немцев, наступавших на предмостные укрепления Ориссарской дамбы. С Гражданина мы ночью наблюдали за разрывами семнадцатидюймовых снарядов на острове Эзель, ведь на предмостном укреплении у дамбы Ориссара сражался наш десант из 30 добровольцев во главе с мичманом, еще накануне отправившийся защищать дамбу. Стало известно, что пехотные части откатываются от Аренсбурга и Ориссары и только 107 дивизия Иванова оказывает сопротивление немецкому десанту. Вернулся наш десант с дамбы Ориссара - его сменили. С Цереля радиовали о необходимости немедленной помощи. Эскадренный миноносец Украина сообщил о том, что Церель сдался.

2 октября Гражданин получил приказ идти к Церелю. Вместе с нами пошли эскадренные миноносцы Амурец, Стерегущий и Туркестанец Ставропольский - наши соседи по стоянке у Куйвасту и партнеры по игре в теннис. При подходе к Аренсбургу уже под вечер налетели немецкие самолеты - противоздушная артиллерия отогнала их и ни одна бомба не попала в цель. Внезапно показался перископ какой-то подводной лодки. Пошла стрельба нырками снарядами. Не без труда дали отбой, оттаскивая комендоров от орудий - видимо, нервное напряжение после перехода по узкому проходу между отмелями и минными полями оказалось для иных чрезмерным. С очередной расшифрованной радиogramмой я выскочил на мостик, передаю листок командиру капитану I ранга Руденскому [19]. Он берет его не поворачивая головы и глядит прямо вперед. Я невольно гляжу туда же: впереди черная полоска воды и за ней угадывается берег Сворбе - это почти сплошная желто-красная полоса огня, из которой вырываются к небу протуберанцы зеленоватых всплесков. Кругом на шлюпках и плотках, мелких суденышках кричат и размахивают шапками люди. Гражданин продолжает идти - людей подбирают идущие следом эсминцы - поставлена задача уничтожить Церель! И Гражданин открыл огонь. Разрывы снарядов яркими зеленовато-белыми вспышками ложились на территории Церельской батареи. Вот наш залп взметнул к небу желтоватый фонтан огня, вероятно загорелось хранилище горючего. Желтое пламя распространяется по территории и вскоре среди этого моря огня начинают взметаться огненные фонтаны рвущиеся снарядами, разбросанных взрывами по батарее среди разлившейся горячей нефти. Темнело, в жарких отсветах зарева Цереля на воде виднелись спасавшиеся на лодках и плотках люди. Несколько человек вытащили на палубу Гражданина. Их отвели вниз. Никто не жалел их

и наслушались они немало слов полных презрения. С сопровождавших Гражданин эсминцев передали: спасенные офицеры сообщают, что батарея на Цереле была уничтожена. На Гражданине проиграли дробь и линкор повернул на обратный путь, но вскоре луч прожектора нащупал распластанную на доске фигуру человека. Его подняли на палубу. Спасенный оказался мичманом из орудийной батареи. Опрошенный, он утверждал, что все орудия батареи были целы. К утру Гражданин встал на якорь на рейде Куйвасту. Слава стояла на якорю у входа в Моонзунд, имея искусственно созданный крен в пять градусов. Она обстреливала вражеские эсминцы, поддерживая наш XIII дивизион, где на Изяславе сражался мой друг Жано Исаков. В сражении немцы потеряли три корабля из десяти, и, попав под огонь Грозящего, отступили. Однако Изяслав из-за сильной вибрации ввиду повреждения винтов был принужден уйти в Рогокюль для ремонта. Это было третьего октября, в канун моонзундского сражения. Все ночь пришлось не отрываться от шифров - непрерывно шли радиограммы.

На рассвете 4 октября Деятельный, зорко следивший за прорывавшимися в Рижский залив немецкими судами, сообщил о движении к Куйвасту тральщиков, эсминцев и двух линкоров - Кёниг и Кронпринц. Улучив момент я забрался на дальномер и увидел на горизонте мачты, башни и трубы вражеских линкоров. Переодевшись во все чистое, все офицеры уже собрались в кают-компания. Вид у всех был серьезный, но раздавались и шутки, а Абрамович напевал песню Вертинского "Ваши пальцы пахнут ладаном", но быстро замолчал после реплики кого-то из старших. Вошел спокойный командир Руденский. После короткого собрания от поднялся в боевую рубку. Гремели колокола громкого боя, объявляя боевую тревогу. Старший артиллерист вручил мне "кольт" и я поспешил на центральный пост. Положив пистолет на полочку и поздоровавшись с радистами, сразу же проверил связь с боевой рубкой и приготовился к

работе. Вскоре Гражданин начал маневрировать, потряхивая на реверсах. Радисты, в том числе и два моих ученика, надев наушники вскоре начали записывать. И вот вздрогнул Гражданин - башни открыли огонь. Цель - тральщики и миноносцы противника. Корпус корабля при каждом залпе содрогался и при этом раздавались как будто пистолетные выстрелы внутри судна - это ударялись об окружающую сталь оторванные чрезмерными усилиями головки заклепок. По шифру сообщили о попадании в Кронпринц - на нем пожар! Ура! Немцы стали отходить и перенесли огонь на десятидюймовую батарею на юго-восточном мысе острова Моон. Там высоко взлетали громадные сосны, перемешиваясь со столбами земли и камня. Слава развернулась кормой вперед и повела огонь из кормовой башни. Носовые замолчали. Гражданин пошел на сближение с противником и вместе с Баяном громит тральщики и миноносцы. Атаку Гражданина поддерживают также эсминцы Донской Казак и Туркменец Ставропольский. В облаках пара исчезают немецкий миноносец и тральщик, остальные срочно отходят. Кёниг и Кронпринц переносят огонь на десятидюймовую батарею, только недавно устроенную на юго-восточном мысе острова Моон.

Наступила пауза и на Баяне был подан сигнал - время обедать. Поели быстро и без аппетита. Кают-компания и салон были оборудованы под лазарет. Бой возобновился, вокруг поднимались фонтаны воды до высоты мачт. Вскоре сквозь залпы наших батарей раздался грохот - немецкий одиннадцатидюймовый снаряд ударил в рикошет и, разорвавшись, изрешетил ставни на окнах нескольких кают и

палубу. Осколки обшивки Гражданина тяжело ранили часового у денежного ящика. Другой снаряд, пробив верхнюю палубу, разорвался и разнес часть каюты командира и еще пять кают, всадил головную часть в двухведерный самовар, стоявший в буфетной кают-компани. Кругом все пылало и тральщик пожарной дивизии тушил пожар. Еще через некоторое время снаряд, ударившись под очень острым углом в броню шестидюймовой башни левого борта и отколов от броневой плиты огромную раковину, пробил наружный борт батарейной палубы и разорвался около запасных динамо-машин, превратив их в подобие гигантского вороньего или сорочьего гнезда. В этот момент для тушения пожара по правому борту бежали матросы тральщика пожарной дивизии - в основном водолазы - и плотник из моей роты; осколком в сердце убит молодой плотник и тяжело ранено девять человек, главным образом водолазы. Осколки изрешетили три каюты, в том числе мою - и главное - мой платяной шкаф со всей амуницией "первого срока". Не успели мы опомниться после грохота разорвавшегося над нами снаряда, как радисты, растерянно глядя друг на друга, удостоверились в том, что нет радиосигналов - очевидно перебило антенну. Мы бросились с моими двумя учениками наверх - из под верхней палубы пробивался едкий желто-черный дым, трубы корабля были в пробоинах, но андреевский флаг гордо реял на мачте. Кусок антенны лежал на палубе и радист исправлял повреждения. Недалек, поднявший огромные водяные столбы через левый борт, заставил поспешить вниз. От Млавы, имеющей значительный крен, и от Бяна тянулись черные дымные шлейфы. Бой шел к концу. На Кёниге пожар, но и Слава садится все ниже и на Бяне бушует пламя. Гражданин продолжает вести огонь.

Но вот уже принимаем радиограмму с Бяна - «Морским силам Рижского залива отойти». Проходим мимо Славы - сидящей с большим креном на грунте. С нее на подошедшие миноносцы сыпется команда. Видно молоденьких салаг - моих новобранцев. Следуем за Баяном, влазим в фарватер, под килем воды с ладонь! Раненых и убитых погрузили на миноносцы. Приняли в этом участие и быстроходные тральщики VI дивизии, поддерживавшие связь между кораблями. Им предстоит тралить перед нами выход из Моонзунда. Караван, ставший на якоря в проливе Моонзунд, состоял из 20 эсминцев, 3 канлодок, крейсеров Адмирал Макаров, Баян, Диана и Гражданина, за которым шел заградитель Амур, забрасывающий фарватер минами.

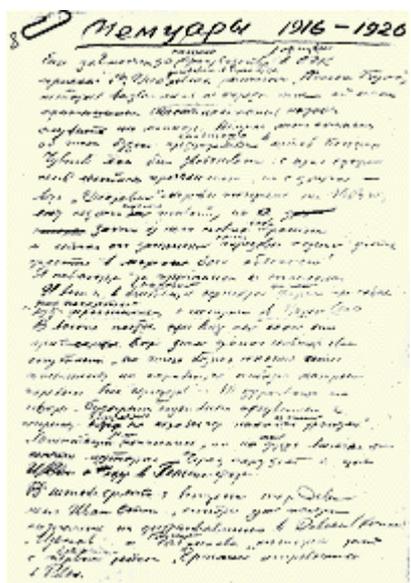
Весь день 7 октября прошел в воздушных тревогах. Вырвавшийся в последнюю минуту с острова Эзель наш гидросамолет сел недалеко от Гражданина и был поднят на палубу. На Бяне состоялось совещание командиров и к вечеру предводительствуемый быстроходными тральщиками караван двинулся. В сгустившихся сумерках трал одного из тральщиков задел за скалу и караван остановился. Из опасения атак германских подводных лодок на Бяне решили прорываться без тральщиков. Благополучно пришли в Лапвик, где корабли были встречены с музыкой и криками ура. Мы же все искренне выражали свое восхищение перед великолепным маневрированием командира Руденского, благодаря чему Гражданин почти не имел потерь.

Шел третий день без сна. Обеспечение двухсторонней связи с командованием не давало ни минуты покоя. Сразу же после того, как идя к Гельсингфорсу Гражданин разрядил свои орудия, выстрелив из каждого в сторону моря, командир приказал мне лечь спать в адмиральской каюте до прихода в Гельсингфорс, где я и проснулся утром следующего дня. На Гражданине начались ремонтные работы. Восстанавливали разрушенное - сильно пострадала одна из шестидюймовых башен, у которой снаряд отколол часть брони, после чего она "села" и вышла из строя. Большинство офицерских кают, начиная с кают-компани и адмиральского салона и каюта капитана также требовали капитального ремонта. Бригады рабочих работали дружно и скоро все стало нормально. Команда стала разъезжаться по отпускам и на сухопутный фронт. Для нас, молодежи, наступило время учебы, то в штурманском, то в минном и артиллерийском офицерском классах. Были и такие, которые уехав в отпуск, больше не показывались.

В декабре Гражданин с первым караваном ушел в Кронштадт. В этом походе я уже не участвовал. Там наш старик простоял до 1922 года, когда был исключен из списков флота. Весной 1918 года я был назначен на первую бригаду линейных кораблей флаг-офицером. Начальник бригады летом был переведен начальником морских сил Балтийского флота и вскоре взял меня в штаб флота. Летом меня временно в качестве штурмана прикомандировали к военному транспорту Рига [20], на котором из Хельсинки эвакуировали наших военнопленных попавших к белым финнам Маннергейма и выезжающих из Финляндии на родину гражданских лиц. Поход прошел удачно и Рига прихватила из Хельсинки не одного из финских большевиков, за которыми охотилась белая гвардия финнов.

В этом же году в октябре меня вызвали в Москву и назначили секретарем и переводчиком морской комиссии, участвовавшей в работе по заключению Брестского мира. Председателем был уже знакомый мне адмирал Зеленой Александр Павлович. Заседания комиссии проходили в Либаве, где со стороны Германии выступала морская комиссия во главе с командующим германским Балтийским флотом адмиралом фон Цеслером. В составе комиссии оказался бывший старший артиллерист с линкора Кронпринц. Разговорился с ним, познакомился, причем он заявил: "Да, это было очень тяжелое сражение". Очень интересным было знакомство с флаг-офицером германского командования флота. Он оказался в прошлом жителем города Риги, германским подданным из пруссаков. Любитель пропустить рюмочку и закусить ее русской икрой, которую мы предусмотрительно привезли с собой, он рассказал нам много интересного из жизни германского флота во время войны.

Возникшие во время переговоров разногласия заставили вернуться в Москву, где позиция нашей комиссии была одобрена начальником Морского Генерального штаба Евгением Андреевичем Беренсем и комиссаром Ларисой Михайловной Рейснер, с которой

я уже ранее был знаком. В один из ее приездов в Петроград на Балтийский флот я был свидетелем ее бесстрашия, когда она с дамским браунингом в руках пришла в отряд, бушевавший на вокзале - толпу сильно подвыпивших братишек-анархистов.

В 1920 году я был переведен в Москву в Генмор, а в 1921 году - флаг-офицером к А.В.Немицу, с которым участвовал в боевых действиях на Азовском море против флота Врангеля, позднее в Севастополе, после взятия Крыма, и при организации переброски наших сухопутных частей из Крыма на Таманский полуостров зимой 1922 года.

Сменивший А.В.Немица Э.С.Панцержанский предложил мне должность состоящего для особых поручений. Я прослужил с ним до 1923 года, после чего упросил меня перевести вновь в плавсостав на Черное море, где служил в это время мой друг И.С.Исаков, с которым я все время встречался и когда был на Балтике и затем на Черном море,

где одно время я был у него помощником на эсминце, а затем командовал им [21]. В 1925 году меня назначили флаг-офицером на отдельный дивизион подводных лодок, а в 1926 году я ушел из флота и с [И.С.Исаковым](#) встретился вновь в 1933 году [22].

1. Пушкин. 2. Хельсинки. 3. Впоследствии - адмирал флота Советского Союза. 4. Таллинн. 5. Ориссааре. 6. Сааремаа. 7. Муху. 8. [Иван Исаков](#). 9. Контр-адмирал [Вильгельм Карлович Витгефт](#). 10. Циндао. 11. По другим данным, командир был только ранен. 12. Контр-адмирал Александр Владимирович Развозов (1879-1920). 13. Сергей Лаппо - из последнего выпуска императорского морского корпуса, впоследствии - полярный исследователь, профессор-гидрограф. 14. Хийумаа. 15. На полуострове Сырве. 16. Курессааре. 17. По другим данным - канонерская лодка [Храбрый](#). 18. Получивший значительные повреждения и лишившийся хода эскадренный миноносец [Гром](#) был

затоплен своей командой. 19. Капитан 1-го ранга Дмитрий Петрович Руденский (1882 - 1952). 20. В рейсе транспорта Рига (до 31 мая 1905 года - *Belgavia*, с 1919 года - Трансбалт) под командованием капитана II ранга А.П.Максимова кроме Альфреда Бекмана, исполнявшего обязанности штурмана, принимали участие его однокашники [Иван Исаков](#) и Николай Голубев. 21. Эскадренный миноносец [Корфу](#) (с 5 февраля 1925 года - [Петровский](#)). 22. В 1926 году Бекман был арестован и по постановлению внесудебного заседания коллегии ОГПУ заключен в Соловецкий лагерь особого назначения, из которого был освобожден в 1933 году, по некоторым данным - не без вмешательства [И.С.Исакова](#), находившегося в это время на трассе Беломорканала.